

«Что за охота мечтать о своём счастье? Оно как здоровье: когда его не замечаешь, значит, оно есть». (И.С. Тургенев)

- Послушай, пап, ты все Историю рассказываешь: про фараонов, да про викингов с большевиками, да с декабристами, а о себе молчишь, словно у тебя своей собственной истории не было никогда, и ты появился на свет уже готовеньким учителем общественных наук и потрясающим папашей заодно. Иногда мне кажется, что есть некая семейная тайна, которую от меня скрывают. Посмотри на меня: я уже вырос, я уже большой, и могу понимать разные взрослые «штучки».

- Разумеется, тайны никакой нет. Всё было просто... Через два месяца после моего рождения, врачи приговорили меня: «Не жилец! Полгода – максимум год. Готовьтесь к худшему!» А что может быть хуже для матери, чем видеть умирающего сына, ждать его смерти и знать, что никакая сила на земле не способна ему помочь? Но я выжил – и даже не кричал и не плакал, а, как рассказывала мама, сжав синенькие кулачки, тянул их к свету и смотрел, по-взрослому – не по-детски, а потом вдруг улыбнулся. И с этой улыбки началось воскрешение на долгую жизнь, хотя и мучительную.

У каждого человека есть мечта, и я (сколько себя помню) имел маленькую, но такую недостижимую для меня мечту: дышать полной грудью. Вот попробуй – вдохни. Видишь, у тебя получилось, а у меня не получалось. Я никогда не понимал детей, которые говорили: не люблю школу, не хочу идти на уроки. Я безумно любил школу, правда, бывал там редко – долгие годы провел по больницам, по операционным (где мне удалили всё, что можно), санаториям, поликлиникам или просто лежал дома страхась сквозняков, микробов, да и просто свежего воздуха, и, конечно, мороженное продавалось не для меня, а для других мальчиков и девочек. Однажды я вышел из дома, пропахшего лекарствами, и увидел у подъезда знакомых старшеклассников из моей школы, они были высокими и такими сильными, как мне казалось. В губах они держали сигареты и пускали удивительные колечки из дыма. «Малой, иди сюда! Хочешь с нами играть в индейцев?» - крикнул мне самый сильный из них. Играть со старшими ребятами? Конечно, хочу. «Игра у нас сложная, требуются настоящие мужики!» - продолжал мой герой, - «ведь ты настоящий?» Пацаны смотрели на меня (хилого, больного и убогого) с восхищением. «Я готов, что нужно делать?» - отозвался я, движимый желанием влиться в мужскую компанию и на равных играть, а вдруг меня сделают вождем племени? Старший словно угадал мои мысли: «Ты будешь нашим индейским вождем, Инчучун!» Лежа на больничной койке, я часто представлял себя краснокожим индейцем, скачущим по прериям на огненном мустанге на встречу жестоким врагам, скакал побеждать – и побеждал. «Вожди должны курить трубку мира», - провозгласил мой новый друг (действительно, в кино индейцы курили трубку мира), - «трубки у нас нет, а вот это есть». И он под улыбки своих товарищей воткнул мне в зубы дымящуюся сигарету. «О, великий вождь Инчучун, сделай пять затяжек в знак того, что действительно великий! И мы начнем игру» Резкий запах табака ударил мне в нос, запах был знаком, мой папа курил, курил много, курил дома, я любил папу, - и разве любимый человек может делать что-нибудь плохое. Я восхищался отцом и хотел во всем быть похожим на него. Первая затяжка обожгла мои легкие словно кислотой. Вторая ударила протяжным колоколом в голову. Ребята почему-то смеялись, самый старший – громче всех: «Ха-Ха, Инчучун, посмотрите на него – посинел, тоже мне вождь краснокожих!» Третья затяжка закрыла мне глаза, а когда я их открыл, то увидел заплаканное лицо мамы и знакомые трещины на потолке, я был дома. Какой странный сон про больших ребят! «Идя с работы, Я нашла тебя у парадной, ты наверное потерял сознание, когда гулял!» Я тут же представил себя упавшим на землю, а герои-индейцы, увидя,

что натворили, бросили меня, разбежавшись по домам, и сквозь опущенные шторы посматривали на меня и хихикали. Сколько я лежал один – я не знаю. Это была моя первая и последняя сигарета в жизни. Кстати, о моем папе. У него было тяжелое военное сиротское детство. Курил он с шести лет, курил от голода (говорят, помогает). Когда вырос, то работал на заводе, где курили все, даже цехового кота, какой-то шутник приучил к папиросам. В сорок лет у моего отца заболели ноги. Хирург, который осматривал, вынес приговор: «Через полгода Вам ампутируют правую ногу, а через год левую, из-за курения у вас развилось тяжелое заболевание сосудов ног». Это был последний день, когда папа курил.

- Да, жалко дедушку, я совсем его не помню... Но что-то ты сам не похож на дяденьку с большим хроническим детством без одного легкого, без гланд, без аденоидов: высокий, крепкий, с мощной мускулатурой.

- Видел бы ты меня в мои Восемнадцать лет, когда я только поступил в институт имени Герцена: скрюченный, в двух свитерах, обязательные два шарфа и верблюжьи шерстяные чулки до колена, причем, в любую погоду. Про меня так и говорили: зимой и летом – одним цветом. Конечно, они имели в виду, что я всегда был закутан на случай непредвиденных сквозняков или природных катаклизмов (даже летом).

- И это помогало тебе не болеть?

- Нет, не помогало. Знаешь, сынок, это привычка: и кутаться, и болеть, и мучиться, и мучить окружающих своими болезнями – замкнутый круг, из которого ты сознательно и бессознательно выйти не хочешь. Получается бесконечная карусель до тошноты и закономерной гибели (от привычки). Больных всегда жалеют, и ты сам напрашиваешься на жалость, и сам себя жалеешь – себе же во зло.

- Ничего не понимаю... Что же делать?

- Работать, работать над собой, своими мыслями, своим телом. Один умный человек мне сказал: болезнь живет в голове. Но так как голову поменять мы не можем на другую, следует поменять то, чем голова занята.

- Ты хочешь сказать, что однажды ты выпрыгнул из свои верблюжьи чулков раз и навсегда, поменяв свое отношение к ним.

- Примерно так и получилось.

- Это намного интереснее. Чем про вредные сигареты и плохих мальчиков. Расскажи.

- Ты бывал в Петропавловской крепости? Конечно, бывал. Зимой там особенно красиво: когда мороз, солнце, и все покрыто белым пушистым и, кажется, вечным снегом, грозная Нева скована льдом. Курсе на третьем у нас была музейная практика в музее истории города: экспонаты, архивы, древняя пыль. От этой самой пыли я стал задыхаться. Пришлось выйти наружу, кашляя и размазывая сопلي. А на улице красота! Я прошел через Невские ворота на Неву, и на пирсе увидел голых людей (в купальных костюмах). Они загорали, стоя босыми ногами на снегу. Вот, представь себе: я – бесформенный в теплых одеждах, и они – голые и босиком, и загорают (плавки не греют). Во льду виднелась крестообразная прорубь (в народе её называют «иорданью»). В иордани плескались мужчина и женщина. Я знал, что существуют «моржи», но увидеть этих

удивительных людей вот так близко, как я вижу тебя, мне не приходилось. Я подошел к краю проруби, и когда мои глаза встретились с глазами «моржа», я услышал от него вопрос: «Болееешь?» «Угу», - ответил я и откашлялся, и по привычке высморкался в мокрый платок. «Прыгай ко мне!». Я разделся – и прыгнул.

- Ну, ты, папа, даёшь! Я знаю, что было после: тебя увезли на «скорой помощи» и снова лечили на операционном столе, вырезая лишнее, не нужное.

- Вот, и не угадал. Исполнилась -таки моя мечта. До дна я не достал. Вся процедура длилась считанные секунды: я погрузился во тьму и передо мной пролетела вся моя хроническая жизнь от приговора врачей до проруби (так, видимо, происходит перед смертью). Я протянул руки к свету, и когда вынырнул, глубоко вдохнул - вдохнул впервые полной грудью. Было ощущение, что я родился заново, но дети новорожденные кричат, и я закричал, дико и иступленно, как зверь, вырвавшийся на волю, оглушив и себя и окружающих, а после смеялся в голос, смеялся и смеялся до болей в животе. «Морж», улыбаясь, растер меня, помог одеться, потрепал по плечу и сказал: «Иди – и больше не болей». Я направился к метро, шел твердо, свободно дышал, плечи мои расправились, я оглянулся: солнце ослепило меня, огненная иордань сверкала огненным крестом, на белом снегу чернели грязным пятном мои шарфы, чулки, рукавицы и шапка. Восемь лет я не пользовался этими предметами.

- Так сразу и вылечился? Зачем тогда врачи, аптеки, больницы?

- Нет, сынок. Каждый день - пробежка, обливание ледяной водой или купание в открытом водоеме – и так круглый год, и так – из года в год – каждый день.